

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ГОДЫ

Видимо, есть своя закономерность в том, что к событиям Великой Отечественной войны все чаще обращаются сегодня тридцати — сорокалетние драматурги. Те, кого события 41-го — 45-го задели лишь краем, в детстве, или непосредственно, впрямую не задели совсем. Именно художники этого поколения сейчас начинают ощущать все более настоятельную потребность явственно и зримо почувствовать движение истории, свое место в ее цепи.

К ним относится и драматург (врач по профессии) Валентин Крымко, автор пьесы «Раненые», где речь идет о событиях осени 1941 года, когда наш медсанбат, отстав от своих, оказался в тылу наступающих фашистских войск. Видимо, профессиональные «врачебные» знания драматурга дают изображаемому некую дополнительную достоверность, хотя недостает в пьесе той атмосферы обжигающей реальной фронтовой жизни, какая живет, например, в прозе Василя Быкова и может быть избыточна только личной биографией.

Крымко и Рубен Симонов — младший, поставивший пьесу «Раненые» на сцене Театра имени Евг. Вахтангова, заботятся, ко-

нечно, о приметах времени, исторической достоверности. Но решающим в спектакле становится их желание проникнуть в атмосферу тех грозных далеких лет и попытаться осмыслить их с позиций сегодняшнего молодого человека. Авторы всматриваются в людей Великой Отечественной, надеясь, что это поможет им найти ответы на волнующие нас сегодня вопросы: как жить, например, чтобы в критическую минуту ты сумел отдать людям, общему делу все душевные ресурсы, тебе отпущенные. И актеры, играющие в спектакле, — а это прежде всего молодежь, — словно бы примеривают на себя гимнастерки солдат 41-го, примеривают и сосредоточены, серьезно задумываются: по плечу ли?

В жизненном сюжете, составляющем основу пьесы, заключена крайняя степень драматической напряженности. Вот-вот нагрянут фашисты, а машину разбило, лошади нет, и в медсанбате — в числе прочих — раненые, которые не могут передвигаться самостоятельно. Ситуация отчаянная, и кому-то

приходит мысль: надо медленно уходить тем, кому это под силу. Бессмысленно ждать появления вражеских солдат, которые прикончат всех. Если бы что-то можно было сделать — тогда другой разговор, но ведь сделать уже ничего нельзя, а война потребует еще много людей, — так допустимо ли жертвовать своими жизнями — красиво, но в сущности бесполезно...

В логике этим суждениям отказать нельзя, но драматург задумывается о том, что случаются обстоятельства, когда надо пренебречь самой, казалось бы, безупречной логикой и поступать исключительно так, как велит долг, совесть и человечность. Так в итоге и поступают герои спектакля. При том, что некоторым из них, прежде чем принять окончательное решение, надо что-то преодолеть в себе.

Военврач Шевелев по складу характера человек штатский, и хирургом он стал недавно. Он неуверенно чувствует себя у операционного стола, и ему мучительно трудно нести бремя ответственности за

жизни людей — как медику и как командиру. И вот, глядя на артиста А. Рыщенкова, мы видим, как его герой яростным усилием воли поднимается над собственной неуверенностью и в опаснейшем положении начинает действовать решительно, быстро и точно. А санитар Рогатин (Д. Кравцов) скромный, негромкий и, кажется, вовсе не созданный для героических поступков. Но настает решительная минута, и оказывается, что он способен на героизм и самопожертвование. Драматург и театр показывают обыкновенных людей, которые, оказавшись лицом к лицу с испытанием страшной войны, нашли в себе душевные силы ему противостоять.

Некоторая умозрительность все же присуща пьесе В. Крымко. Вот военфельдшер Варя. Грубость и кажущаяся доступность соединяются у нее с чистотой, а самоотверженное отношение к слабым, раненым физически и духовно, неотделимо от женского инстинкта, потребности любить и быть любимой. Трогательно и силь-

но играет эту роль артистка Н. Русланова, но время от времени все-таки кажется, что о такой, похожей судьбе нам уже было рассказано — со сцены, с экрана, с книжных страниц. Здесь чувствуется, что драматург расплагал все же не впечатлениями реальности, не знающей одинаковых судеб, а своими представлениями о женской фронтовой доле, как они сегодня сложились. Достоверны и органичны А. Павлов (Лесник), А. Ярославцев (Плющ), однако в озлобленности персонажей, их недоверии к людям, постепенно преобладающем, тоже слышатся мотивы литературно, театрально знакомые.

...В финале пьесы для героев обозначился выход, и трое из них добровольно отдали свои жизни, чтобы другие могли им воспользоваться. В вахтанговском спектакле есть еще эпилог, сочиненный театром: сцену заливают свет, на вас обрушивается тишина, ошеломительная после взрывов, выстрелов, собачьего лая. И в самом высоком месте сценической конструкции, словно на постаменте, — фигуры погибших. Этот монументальный финал становится органичным завершением спектакля, повествующего о героизме и мужестве.

К. ЩЕРБАКОВ.